

А. Г. АВТОРХАНОВ

У истоков ленинской деспотии

Ортодоксальный русский марксизм с самого начала своего возникновения объявил борьбу на два фронта: внутри рабочего движения против так называемого «экономизма» и в русском обществе против либерализма. В этом была не только своя глубокая логика, но это явилось как бы предзнаменованием перерождения русского свободолюбивого марксизма* в совершенно новое деспотическое движение — в большевизм. Борьба против экономизма в рабочем классе и против либерализма в русском обществе именно и выросла из общей философии большевизма: «личность — ничто, коллектив — все». Антигуманистический характер этой философии выясняется, как только мы обратимся к предмету спора между экономистами, либералами и марксистами. Сейчас же после разгрома петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 г.) в Петербурге был создан «Комитет с.-д.». Во главе его стояли люди, которые называли себя социал-демократами «нового направления» (Кричевский и др.). Вот это новое направление в социал-демократии марксисты-ортодоксы объявили «экономистами»¹. За что же?

За то, что в передовой статье нелегальный орган нового направления — газета «Рабочая мысль» (№ 1, октябрь 1897 г.) — писала:

«Политика всегда послушно следует за экономикой, и в общем итоге политические оковы разбиваются попутно. Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы, — вот девиз рабочего движения... Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких-то бу-

* Вероятно, автор имеет в виду русский марксизм, начавшийся с Плеханова, Струве, группы «Освобождение труда» и продолженный далее социал-демократией в лице меньшевизма. — *Ред.*

дущих поколений, а для себя и своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию».

Вот за это требование, чтобы социал-демократы в первую очередь боролись за улучшение материального положения рабочего класса, организаторы «Рабочей мысли» и плехановцами, и ленинцами были объявлены оппортунистами-экономистами, «предателями рабочего класса», так как, мол, они отказываются от политической борьбы. Это было ложное обвинение. В сентябре 1899 г. та же газета «Рабочая мысль» призывала рабочих присоединиться и к участию в общей борьбе против самодержавия. Газета писала:

«Мы призываем всех рабочих к этой борьбе, сознавая, что всякая действительно общественная борьба — каким бы классом она ни велась, всякая действительно общественная самодеятельность, какому бы общественному слою она ни принадлежала — уже по самому заключенному началу общественности (по своему демократизму) — противна самодержавному началу нашего бюрократического правительства» (Приложение к «Рабочей мысли», сентябрь 1899, СПб.).

Но у руководителей «Рабочей мысли» была одна ведущая идея, которую они взяли у основоположников марксизма: дело освобождения рабочего класса есть дело самого рабочего класса. «Рабочая мысль» писала по этому поводу:

«Для того чтобы такая политическая борьба могла бы вестись рабочими вполне сознательно и самостоятельно, необходимо, чтобы велась она самими рабочими организациями, чтобы эти политические требования рабочих выражали осознанные ими общие политические интересы».

Где же тут «экономизм», «оппортунизм»? В глазах Ленина оппортунизм «экономистов» заключался в том, что они борьбу за свободу рабочих связывали с борьбой за свободу всех классов, а не с борьбой за утопический социализм Ленина. Более того. Они отрицали гегемонию над рабочими кучки интеллигентных фанатиков, которых вовсе не интересовало материальное положение русского пролетариата, но зато весьма интересовал сам пролетариат как инструмент своей стратегии захвата власти. Вот почему Ленин писал:

«Ведь в сущности вся программа “Рабочей мысли” клонится к тому, чтобы оставить русских рабочих в их неразвитости и раздробленности и чтобы сделать их хвостом либералов».

Поэтому Ленин даже стачки рабочих за улучшение своего материального положения считал бесцельными, плодом злокачественного оппортунизма и стихийности, если они не переводились на политические рельсы, то есть не подчинялись революционерам.

Второй фронт марксизма-большевизма был направлен против русского либерально-демократического движения. Либерал и либерализм — самые поруганные термины в публицистике Ленина и ленинцев. Больше того. В эти термины ленинцы вкладывают диаметрально противоположные понятия, расходящиеся как с их подлинным смыслом, так и с историей либерализма. Ведь в переводе на обыкновенный русский язык «либер» — это значит «свободный», «либерал» — «свободомыслящий», а «либерти» — это значит «свобода». Почему же эти термины, олицетворяющие собою начало великой эпохи эмансипации человека и человеческого духа, гибели деспотий и образования правовых государств, стали ругательными на жаргоне ленинцев? Я думаю, что ответ станет ясным, если мы сначала обратимся к истокам борьбы за свободу и гражданские права в истории.

Здесь важно отметить три великих документа о свободах и правах, которые были порождены тремя великими революциями. Первый документ — результат так называемой «бескровной» английской революции 1689 года — «Английская декларация прав», переработанная потом в знаменитый «Билль о правах». Второй документ — результат американской революции — «Декларация независимости 1776 года», впервые в истории человечества сформулировавшая основные положения о смысле жизни человека и его фундаментальных свободах и правах. В своем обращении к гражданам СССР по поводу двухсотлетия США бывший президент Форд так охарактеризовал эти свободы и права:

«Когда представители тринадцати американских колоний собрались в Филадельфии двести лет тому назад, чтобы провозгласить независимость, они обязались придерживаться принципа, что все люди созданы равными и все имеют право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью. Наша революция была уникальной, потому что борьба в ней велась исключительно за идею — идею свободы. Наша революция была также экспериментом. Понятие о том, что политическая власть исходит от народа и основная задача правительства — защищать права граждан, звучало радикально в 1776 г., оно продолжает оставаться революционным вплоть до наших дней».

Третий документ. Из Великой французской революции 1789 г. вышла «Декларация прав человека и гражданина», на которой лежит яркий отпечаток влияния не только идей Монтескье и Руссо,

но и Американской декларации независимости, принятой за 13 лет до этого. В ней провозглашалось:

«Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах... Цель каждого государственного союза — составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Такова свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению».

Позднейшее либеральное движение как в Европе, так и в России питалось из этих трех источников. Причем в центре всегда стоит свобода личности против любой тирании, в том числе и тирании большинства над меньшинством. Человеческая личность должна быть ограждена против деспотизма. Основоположник европейского либерализма французский юрист и ученый Бенжамен Кондак писал:

«Под свободой я разумею торжество личности как над авторитетом, который вздумал бы управлять с помощью деспотизма, так и над массами, которые присвоили бы себе право подчинять меньшинство большинству».

Вот как раз то, что отвергали либералы — деспотизм и произвол во имя торжества гражданских прав и духовных свобод, — было прямо противопоставлено большевизму еще на заре его рождения. Ибо его собственные планы на будущее были планами организации всеобщей социальной деспотии на основе воинствующей *анти-свободы*. Между тем у самого русского либерализма до и после возникновения русского марксизма была богатая традиция и богатая литература. Такова родословная русского либерализма — Программа декабриста «Русская правда» Пестеля, «Конституция» Муравьева, произведения западников (Белинского, Грановского, Герцена). Само русское государство, хоть и с опозданием на целое столетие, тоже вступило на путь либерально-демократического развития, основы которому положили «Великие реформы» Александра II и «Манифест 17 октября 1905 г.». Передовая русская общественность принимала самое активное участие в этом великом процессе превращения России абсолютистской в Россию конституционную. Достаточно указать на платформу либерального земского движения, журнал «Освобождение» Струве, программу «Партии народной свободы», произведения плеяды русских философов — Бердяева, Булгакова, Лосского, Франка, Карсавина, Зеньковского, Шестова, Сорокина, программу «Прогрессивного блока» в Четвертой думе, программу Временного правительства,

в эру которого, по свидетельству Ленина в его «Апрельских тезисах», Россия была «самой свободной страной в мире». Вот здесь, я думаю, мы и находим ответ на вопрос, почему ленинский второй фронт был направлен против русского либерализма. В логическом конце развития русского либерализма стояла самая свободная страна в мире — февральская Россия, как в логическом конце развития русского экономизма стояли бы самые обеспеченные в мире рабочие — то и другое не устраивало людей, которые под лозунгом «диктатуры пролетариата» собирались установить деспотическую диктатуру партийной олигархии и над страной, и над самим пролетариатом.

